

НЕКРАСОВ — РЕДАКТОР М. С. ЩЕПКИНА

Статья и публикация И. Айзенштока

В «Современнике» за 1849 г. (XVIII, № 11, отд. V, 56—60) был напечатан небольшой рассказ «Психологическая задача» («Давняя быль»), сопровождаемый следующим примечанием: «Происшествие, рассказанное здесь, не выдуманно. Вы услышите его в Малороссии от любого старожилы. Оно рассказано известным артистом московской сцены М. С. Щепкиным, уроженцем Малороссии». Под рассказом стояла подпись: Н. Н., которую с полным основанием можно расшифровать, как инициалы имени и фамилии редактора журнала—Некрасова. Как известно, инициалами этими подписаны первая книга стихов поэта «Мечты и звуки» (СПб., 1840), некоторые его статьи и даже стихотворения¹. В частности, тотчас вслед за «Психологической задачей» с подписью Н. Н. была напечатана в «Современнике» критическая статья Некрасова «Русские второстепенные поэты» (1850, XIX, № 1, 42—74). Таким образом, хотя Некрасов выступает в данном случае лишь как пересказчик Щепкина, публикуемый рассказ пополняет литературное наследство писателя еще одним, ускользнувшим от внимания исследователей, его текстом.

Некрасовская передача рассказа Щепкина представляет также интерес и как новое свидетельство, характеризующее личные отношения этих двух знаменитых современников, и как забытая запись одного из рассказов артиста, до сих пор остающихся рассеянными по многочисленным, подчас малодоступным изданиям и случайным мемуарам. Между тем автор этих рассказов «щедро был наделен от природы тонкой наблюдательностью, светлым умом, теплым чувством и умением живо и пластично передавать виденное, с сохранением всех характеристических оттенков»².

Знакомство Некрасова со Щепкиным следует отнести, повидимому, к маю 1847 г., когда поэт «ездил в Москву за материалами для „Современника“»³. А в июне того же года Щепкин приехал в Петербург, где встречался с членами кружка «Современника», и в частности с Некрасовым. Свидетельством этих встреч явилось большое письмо Некрасова за границу к Белинскому, Тургеневу и Анненкову (24 июня 1847 г.) с приписками М. С. Щепкина, И. И. Панаева, И. А. Гончарова и А. И. Кронеберга⁴. Впоследствии Некрасов не раз передавал Щепкину приветы через общих знакомых (например, в письме к И. К. Бабсту от 10 декабря 1847 г.), а из переписки поэта с И. С. Тургеневым видно, что через Щепкина пересылались в редакцию «Современника» некоторые рукописи (например, «Нахлебник»). В 1855 г., в связи с пятидесятилетним юбилеем Щепкина, именно Некрасов написал ему приветствие от лица петербургских литераторов, подписанное, включая самого Некрасова, 27 лицами, среди которых Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Ф. Писемский, М. Л. Михайлов, Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой, Я. П. Полонский, П. А. Вяземский, П. А. Плетнев, Г. П. Данилевский и др.⁵ Укажем, наконец, что в огромном репертуаре, сыгранном Щепкиным, было две роли из некрасовской драматургии. В 1843 г. Щепкин играл в драме Некрасова «Материнское благословение, или бедность и честь» и в 1854 г. в переводной комедии и водевиле «Вот что значит влюбиться в актрису» (Канва жизни М. С. Щепкина—неизданная рукопись, Музей Малого театра, Москва). Встречался Некрасов со Щепкиным и позднее, в частности — в мае—июне 1857 г. в Париже.

У нас нет оснований говорить о близости между Щепкиным и Некрасовым. Наоборот, есть данные, заставляющие предполагать, что Щепкин был предубежден

против Некрасова и недолюбливал его как человека, хотя и весьма высоко ценил его поэтический талант⁶. Тем не менее Некрасов неоднократно встречался со Щепкиным в дружеской артисту компании, где тот особенно охотно раскрывал свой многообразный и сочный талант рассказчика. Трудно установить, в какую именно из этих встреч мог услышать Некрасов от Щепкина рассказ, воспроизведенный им затем в «Современнике». Наиболее вероятно, что это произошло либо при самом первом их знакомстве (в мае 1847 г. в Москве), либо во время приезда Щепкина в Петербург (в июне 1847 г.), так как вряд ли позднее, познакомившись со Щепкиным ближе, мог бы Некрасов считать его «уроженцем Малороссии». Возможно, что ошибка основывалась и на самом содержании рассказа, отнесенного рассказчиком к «одному малороссийскому селу», и на исполнении Щепкиным ряда ролей в украинских пьесах, наконец, на общепризнанном среди современников взгляде на Щепкина как на пропагандиста украинского театрального репертуара. Недаром С. Т. Аксаков, в связи с юбилеем артиста, отмечал среди других его актерских достижений и то, что он «перенес на русскую сцену настоящую малороссийскую народность, со всем ее юмором и комизмом»⁷.

По мнению Аксакова, связанного со Щепкиным многими годами тесной дружбы, это являлось тем большей заслугой Щепкина, что он не был украинцем по происхождению и только «провел детство и молодость свою на Украине, сроднился с ее обычаями и языком»⁸. Лица, знавшие артиста не столь близко, сплошь и рядом впадали в ту же ошибку, что и Некрасов, называя Щепкина «уроженцем Малороссии».

Как сказано, публикуемая нами «Давняя быль» представляет большой интерес, являясь забытой записью одного из рассказов Щепкина, на которые, по свидетельству современников, он был такой мастер, что Щепкина-рассказчика они ставили подчас едва ли даже не выше Щепкина-актера. «В воспоминаниях его друзей и знакомых, — писал о нем Ф. И. Буслаев, — сохранилось множество интересных рассказов, которые с таким увлекательным добродушием и неподражаемым мастерством любил он сообщать в своих интимных беседах. Рассказы эти касались и старины, и новых порядков, и театра, и литературы, серьезных предметов и смешного и пошлого, словом, всего, что и трогало и волновало эту восприимчивую натуру, и все, что рассказывалось, было проникнуто живейшим участием рассказчика, потому что все это им самим было испытано, вытерплено и пережито»⁹.

Щепкин отнюдь не принадлежал к тому типу актеров-рассказчиков, которых наиболее ярким представителем был и, пожалуй, остается до настоящего времени И. Ф. Горбунов. У Щепкина не было какой-либо выработанной «маски рассказчика» (вроде горбуновского генерала Дитятина). Он не выдумывал, не изобретал, не сочинял своих рассказов, но обыкновенно повествовал о том, «чему свидетель в жизни был». Богатство жизненных впечатлений, большая наблюдательность, изумительная точность памяти, врожденная «литературность» и великое актерское дарование — все это придавало рассказам Щепкина громадную выразительность и непередаваемое обаяние¹⁰.

Щепкин неоднократно пытался записывать свои рассказы. Уступая настояниям друзей и прежде всего Пушкина, он начал «Записки актера Щепкина», первые строки которых («Я родился в Курской губернии, Обоянского уезда, в селе Красном, что на речке Пенке...») были написаны собственноручно Пушкиным. Отрывки «Записок» стали появляться в печати еще при жизни Щепкина, так сказать в процессе создания; об одном из этих отрывков Белинский так отзывался, в письме к А. И. Герцену (20 марта 1844 г.): «Отрывок Михаила Семеновича — прелесть. Читая его, я будто слушал автора»¹¹. И позднее Щепкин время от времени возвращался к продолжению «Записок», впрочем, без особенного увлечения и только под давлением дружеских увещаний, высказывавшихся даже в печати¹².

Ряд причин обрекал на неудачу все попытки побудить Щепкина заняться сводом своих автобиографических рассказов и житейских наблюдений. Основной и главной из этих причин являлось, повидимому, то, что сам артист стал со временем иначе представлять себе задачу своих «Записок», нежели его многочисленные друзья: его увлекал не столько связанный автобиографический рассказ, сколько систематическое изложение основ своего мастерства, изложение своих взглядов на сценическое искусство вообще¹³.

М. С. ЩЕПКИН

Рисунок А. А. Попова, 1853 г.
Третьяковская галерея, Москва

Выше мы упомянули о большом стилистическом и сюжетном разнообразии устных рассказов Щепкина. Герцен неоднократно вспоминал о том, как Щепкин «морил со смеху своими рассказами, от которых, я думаю, сам Иоанн Кручинник, точивший всю жизнь слезы о грехах мира сего, стал бы их точить от хохота...»¹⁴. Но тот же Герцен сохранил в своих записях не эти веселые анекдоты, а «Сороку-воровку» — художественную обработку одного из рассказов Щепкина, ему же и посвященную, или жуткую историю о крестьянине, который предпочел убить своих детей и самому погибнуть под пинцрутенами, только бы не быть взятым в военные поселения¹⁵. Да и комические истории, рассказываемые Щепкиным, при всей своей заразительной веселости, нередко приводили слушателей (следует думать, не без умысла и самого рассказчика) к размышлениям, отнюдь не веселым и далеко не безобидным. Очень красноречиво в этом смысле замечание Герцена о том, что во всех рассказах Щепкина «пробивается какая-то *sui generis*, струя демократизма и иронии»¹⁶.

Неверно было бы думать, что эти обобщения привнесены в рассказ Щепкина его радикально настроенным слушателем — Герценом. В значительной степени, они были, разумеется, подсказаны самим рассказчиком, часто возвращавшимся в своих «анекдотах» к характеристике типов чиновников, с которыми ему приходилось встречаться в своей жизни, к типам помещиков-крепостников, к изображению социально-уродливых явлений недавнего прошлого и своего времени, и т. п. Для актера, прошедшего тяжелую житейскую школу крепостного бесправия, на себе испытавшего все его тяготы, рассказы эти являлись формой своеобразного социального протеста. Такое антикрепостническое и демократическое значение рассказов Щепкина станет особенно явственным и ощутительным, когда эти, разбросанные сейчас рассказы будут собраны воедино и дарование Щепкина-рассказчика раскроется во всем своем многообразии и глубине. Несомненно, что эти демократические и антикрепостнические тенденции рассказов Щепкина в большой мере и обуславливали их успех у таких слушателей, как Герцен, Белинский и Некрасов.

Многие рассказы Щепкина, — что всегда его радовало, — подхватывались писателями, иногда в оригинальном пересказе, и даже с попытками сохранить индивидуальный стиль рассказчика, иногда в творчески переработанном виде, когда щепкинский «анекдот» приобретал новое и неожиданное звучание, будучи использован как сырой материал. А. Н. Афанасьев отметил подобное использование щепкинских рассказов Гоголем. «Случай, рассказанный в „Старосветских помещиках“, — писал Афанасьев, — о том, как Пульхерия Ивановна появление одичалой кошки приняла за предвестие сво-

ей близкой кончины, взят из действительности. Подобное происшествие было с бабкою М. С.—ча. Щепкин как-то рассказывал о нем Гоголю, и тот мастерски воспользовался им в своей повести. М. С.—ч прочитал повесть и при встрече с автором сказал ему, шутя: „Кошка-то моя!“ — „Зато коты мои“, — отвечал Гоголь, и в самом деле, коты принадлежали его вымыслу¹⁷. Щепкину принадлежал также анекдот о «беленьких и черненьких», который Чичиков рассказывает генералу Бетрищеву во втором томе «Мертвых душ»; аналогичные следы рассказов Щепкина мы встретим у А. В. Сухово-Кобылина («Дело»), у М. П. Погодина и др. Имеются, наконец, указания на то, что роль Любима Торцова в комедии «Бедность не порок» Островского создана отчасти «под влиянием рассказа Михайла Семеновича об одном жившем у него в доме и очень преданном ему и его семейству старике-парикмахере, Пантелее Ивановиче»¹⁸.

Наряду с этими до нас дошел и ряд цельных художественных пересказов щепкинских повествований. Широкою известность, как сказано, получила «Сорока-воровка» Герцена, в которой объединен и обработан цикл рассказов Щепкина о графе Каменском и его крепостном театре¹⁹. Менее известны два рассказа В. А. Сологуба «Собачка» и «Воспитанница» — из быта странствующих провинциальных трупп; документальность обоих рассказов, слегка лишь замаскированная прозрачными и легко раскрываемыми псевдонимами действующих лиц и мест действия, подтверждена, между прочим, самим Щепкиным²⁰. К этой группе записей относится также публикуемая нами «Психологическая задача».

При всем громадном различии дарований и писательских манер Герцена, Некрасова, Сологуба, при чтении сделанных ими обработок щепкинских «анекдотов», бросается в глаза одна любопытная черта: все эти записи имеют между собой много общего в самой манере рассказа. Отсюда, естественно, напрашивается вывод о сознательной попытке имитации сказовой манеры Щепкина и стремлении сохранить стилистические и интонационные ее особенности. Однако было бы совершенно неверно искать в этих записях какое-то абсолютное соответствие подлинным устным рассказам Щепкина. Впрочем ведь и «Записки» его далеко не передают «чудного дара рассказов» самого автора: «художественная живость их передачи придавала им ту обаятельную прелесть которую они уже не будут иметь в чтении»²¹.

В заключение—несколько слов об источниках публикуемого рассказа. Повидимому со слов самого Щепкина Некрасов сообщил в примечании к рассказу, что описанное «прошествие не выдуманно», что «вы услышите его в Малороссии от любого старожил». Вряд ли, однако, последние слова имеют в виду утверждение фольклорного происхождения рассказа: нам не удалось найти в украинском фольклоре каких-либо аналогов щепкинскому рассказу, да и весь склад последнего лишен фольклорных черт. Пожалуй, правильнее поэтому истолковать смысл примечания Некрасова, как указание на большую известность, какую получила в некоторых районах Украины пересказанная им «Давняя быль». Такое предположение, кстати сказать, вполне соответствовало бы общему характеру рассказов Щепкина, всегда, как отмечено, имевших в своей основе личные житейские наблюдения и встречи рассказчика.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В. Д е р н о в а. Библиография и хронология сочинений Н. А. Некрасова.— «Некрасовский сборник», ред. В. Евгеньева-Максимова и Н. Пиксанова, II, 1918.

² А. Ф а н а с ь е в, М. С. Щепкин и его записки. — «Библиотека для Чтения», 1864, № 2, 1.

³ А ш у к и н, 83. Следует отметить, что в первой же книжке перешедшего к Некрасову «Современника» появилась (за подписью «—ъ») глава воспоминаний Щепкина «Из записок артиста», которая вначале предназначалась для альманаха „Левифан“, затейного было Белинским.

⁴ В. Б е л и н с к и й. Письма. СПб., 1914, III, 373—375.

⁵ Письмо к В. П. Боткину от 24 ноября 1855 г. — Н е к р а с о в V, 233. Ср.: С. Р е й с е р, 1. Заметки о Некрасове. 2. Новые письма Некрасова. — «Звенья», 1935, V, 514—518; текст приветствия — см.: «Совр.» 1855, XII, 269—270.

⁶ Имеем здесь в виду свидетельство Д. А. Смирнова (известного собирателя материалов о Грибоедове), содержащееся в его мемуарно-дневниковом очерке «Два утра у Щепкина», опубликованном в «Ежегоднике Императорских Театров» на 1907/1908 гг., стр. 211—212, 216. Источник этот не использован, насколько нам известно, в некрасово-

ведческой литературе. Между тем он представляет несомненный интерес. В нем содержится примечательный материал для характеристики отношения Щепкина к некрасовской поэзии, воспринимавшейся им как поэзия демократической «правды» и в нем приводится первоначальная редакция стихотворения 1857 г. «В столицах шум, гремят витии...», принадлежащего к числу лучших образцов некрасовской поэтической лирики. Позднее Некрасов переработал стихотворение. Он свел его всего к девяти строкам вместо тринадцати. Оно смогло появиться лишь в 1861 г. в составе второго издания «Стихотворений» Некрасова.

Приводим из воспоминаний Д. А. Смирнова запись его беседы со Щепкиным о Некрасове, датированной автором 6 июня 1858 года:

«... Я привез вам в укладку за вашу „Современную басню“, с которой вы отпустили меня из Москвы в Петербург, стихи Некрасова, очень хорошо выражающие то, как смотрит теперь мыслящий Петербург на нас, Россию, стихи нигде не напечатанные и едва ли вам известные, потому что они, как говорят, написаны Некрасовым в его собственном, кабинетном альбоме.

— Некрасов хороший поэт, ... — перебил меня Щепкин... читайте стихи.

— Я начал:

В столицах шум, гремят витии,
Бичуя рабство, зло и ложь,
А там, — во глубине России, —
Что там? Бог знает! Не поймешь!
Над всей равниной беспредельной
Стоит такая тишина,
Как будто впала в сон смертельный
Давно дремавшая страна.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
Да выгибаются дугою,
Целуясь с матерью — землею
Колосья бесконечных нив.*

— Хорошо — отозвался старик, — потупясь и уставя глаза в землю. — Хорошо, — повторил он, — очень хорошо. Слышите мне.

Подали карандаш и бумагу. Я сейчас же исполнил желание моего доброго, глубоко чувствующего, знаменитого хозяина.

— Знаете ли, — начал он, указывая на стихи, — ведь тут много правды. Давно пора бичевать рабство, да не одно крепостное, невольное рабство, а то произвольное, или добровольное рабство, которым у нас многие заражены. Вот с этой-то точки зрения действительно не поймешь, что у нас делается во глубине России, и стихи Некрасова вызвали у меня одно из моих воспоминаний, которое в этом случае будет самым верным доказательством того, что и для чего делается у нас иное — во глубине России. <Далее следует запись нескольких рассказов-воспоминаний Щепкина.>

...В стихах Некрасова, — продолжал Щепкин, — повторяю вам, много правды. Постараюсь доказать вам не разглагольствованием, а делами собственно из жизни. <Далее опять следует запись нескольких рассказов-воспоминаний Щепкина.>

⁷ «Несколько слов о М. С. Щепкине. По случаю пятидесятилетия его театрального поприща». — См. С. А к с а к о в. Собр. соч., под ред. А. Горьфельда. СПб., 1910, IV, 470.

⁸ Там же, стр. 470—471.

⁹ Ф. Буслев. Моя досуги. М., 1886, ч. II.

Аналогичный отзыв о рассказах Щепкина оставила Евгения Тур: вспоминая о дружеских вечерах у П. Н. Кудрявцева, она отметила, что «Щепкин оживлял их своими рассказами и своими воспоминаниями о прошлом, о своей прошлой жизни, и о своих дебютах, и о том, в каком состоянии находилась тогда русская сцена. Часто ему случалось, развеселившись, рассказывать анекдоты и предания малороссийские, преисполненные юмором и грацией. — Евгения Тур. Профессор П. Н. Кудрявцев. Воспоминания. М., 1891, 36.

¹⁰ А. А ф а н а с ь е в. Цит. соч. — «Библиотека для Чтения», 1864, № 2, 6—7.

¹¹ В. Ф е л и с к и й. Письма, цит. изд., III, 104.

¹² С. А к с а к о в, Цит. соч., 462. — О том, как сам Щепкин реагировал на эти дружеские уговоры см.: А. А ф а н а с ь е в, цит. соч., 1—2.

¹³ Об этом Щепкин совершенно отчетливо говорит в замечательном письме к Гоголю (29 мая 1847 г.). — М. А. Щ е п к и н. Михаил Семенович Щепкин. 1788—1863 гг. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная. СПб., 1914, 175.

* Эту же первоначальную редакцию находим в письме Некрасова к И. С. Тургеневу от 27 июля 1857 г. (Некрасов, V, 311).

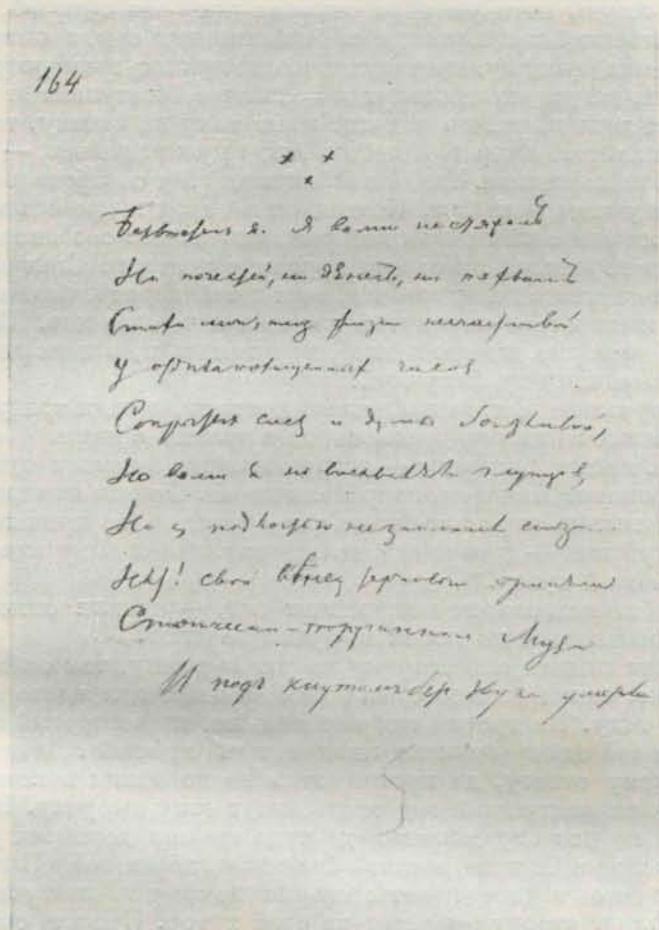
¹⁴ А. Герцен. Полн. собр. соч. и писем. II., 1919, XIII, 190.

¹⁵ Е го же, ГИЗ, 1928, XX, 321—322, 347.

¹⁶ В подтверждение Герцен приводит («Былое и думы») красочный рассказ Щепкина об одном секретаре уездного суда, ездившем на 11 исправниках и управлявшем уездом. А. Герцен. Полное собр. соч. и писем, 1919, XII, 242—243. Упоминание об этом же анекдоте встречается и раньше в дневнике Герцена (запись от 19 марта 1844 г.). Там же, III, 317.

¹⁷ «Библиотека для Чтения», 1864, № 2, 8.

¹⁸ М. А. Щепкин. Воспоминания о М. С. Щепкине. — «Исторический Вестник», 1900, № 8, 457.

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ НЕКРАСОВА «БЕЗВЕСТЕН Я...», 1855 г.

Страница рукописного сборника, переданного Некрасовым для издания
 К. Т. Солдатеякову в 1855 г.

Последняя строка (о кнуге), вписанная Некрасовым карандашом,
 не пропусклась цензурой и не предназначалась для печати

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

¹⁹ Об этом, между прочим, свидетельствовал И. И. Панаев, вспоминая, что слышал от Щепкина ряд «анекдотов» и случаев «из своей жизни», «между прочим и „Сороку-воровку“, которую впоследствии, со слов его, так хорошо изложил Герцен». — И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1928, 275—276.

²⁰ Щепкин говорит о «Собачке» в своих «Записках», что «она писана из моего рассказа, и все было в действительности так, как описано, и автором даже еще много смягчено». — «Записки крепостного актера М. С. Щепкина», М., 1928, 131.

²¹ Д. Урусов. Кончина М. С. Щепкина. — «Библиотека для Чтения», 1863, № 7. — Цитируется по кн.: «Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его. Письма его. Воспоминания о нем», М., 1907, 146.

ЗАБЫТЫЙ РАССКАЗ М. С. ЩЕПКИНА, ЗАПИСАННЫЙ
НЕКРАСОВЫМ
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА
ДАВНЯЯ БЫЛЬ

В прошлом столетии в одном малороссийском селе жил мужик по имени Никита, крепкий, здоровый, ростом в косую сажень, нрава крутого и неуступчивого, но человек добрый и правдивый. Он любил старину, строго держался патриархальных обычаев и был в полном смысле главой своего семейства: ни жена, ни дети не ступали шагу без его ведома и спросу. Кроме участка земли, которую обрабатывали пять его сыновей, у него был хутор, с мельницей и пчелами; ими он занимался сам, а сыновья соберут хлеб, свезут на ярмарку, продадут и честно принесут выручку отцу, и всякая копейка, какую ни достанут в семействе, поступала к нему. А он, как получит деньги, тотчас оделит всех: тому на свитку, тому на обувь, а жене на хозяйство выдаст. И потом, когда нужны деньги, — идут к нему: он выдавал, не морщился. Так они жили много лет согласно и зажиточно... Стукнуло ему пятьдесят лет. Поехал он в город и пробыл там два дня. Случилась ли там с ним какая история, или ничего особенного не случилось, только воротился он совсем другим человеком. Стал он жене говорить, что жена много денег изводит, стал детей корить, что мало зарабатывают, стал жаловаться на крутые времена и черные дни. Вот побывали сыновья на ярмарке, продали хлеб, воротились и, в пояс поклонившись отцу, счетом сдали ему выручку...

Отец поворачал на них, зачем дешево продали, деньги три раза пересчитал, чего прежде за ним не водилось, да и притих с ними.

День, два, неделя проходит — старик молчит: а деньги нужны, да сказать ему не смеют. Наконец, попросили денег. Старик поморщился, однакож выдал, только так мало, что через месяц опять пришлось просить.

— Немá грóшей, — грозно отвечал старик, велел сыну запретить лошадей и уехал на свой хутор.

— Коли батька говорит нет, значит нет, — решили сыновья и стали с горем перебиваться до новой выручки за хлеб.

Только как отдали они старику новую выручку, так он выбрал их вдвое крепче, зачем дешево сбыли хлеб, а денег дал вдвое меньше, чем в прошлом году. На третий год еще меньше, на четвертый еще меньше, а отговорка всё одна: «времена тяжкие, немá грóшей». Дети уж и плохо верили такому ответу, да против отца не пойдешь: повесят головы и замолчат, а на следующий год опять несут отцу выручку. Вот жена так и пыталась не раз спрашивать: «да куда же они деваются у тебя? ведь и прежде было не больше, а слава богу хватало на всё?» Пыталась она и упрашивать его, и усовещевать; старик закричит, застучит костью в пол, выберит старуху и уедет на свой хутор. Прошло еще несколько лет, и старик вовсе перестал давать денег своему семейству; как только попадет к нему какая копейка, — поминай как звали: словно в воду канула! И уж ничем не выпросишь! Раз поехали сыновья в город и воротились без меньшого брата. Парень и от природы был простоват, да тут еще на беду выпил, так и сам не помнит, каким образом впутался в уголовное дело; его задержали с двумя какими-то бродягами; пошло следствие... Бухнулись сыновья старику в ноги, рассказали, в чем дело, и стали просить денег на выручку брата. Старик долго расспрашивал подробности, долго думал, осведомился, сколько нужно денег, и, наконец, отвечал: «немá грóшей». Бухнулась и старуха-мать ему в ноги, да напрасно: «немá грóшей». Так и погиб его меньшей сын... Изба у них обвалилась, одежда доносилась, иногда приходилось голодать по суткам: старик будто не замечал ничего. Нечего делать! чтоб как-нибудь жить, сыновья стали обманывать его: выручат тысячу, а отдадут ему половину,

остальные идут на расход... Так жили они лет тридцать. Старику приближалось к осьмидесяти годам; как ни был он крепок, однакож силы начали ему изменять. Он редко выходил из хаты, только время от времени съездит на свой хутор верст за семь, а, наконец, он и совсем свалился. С каждым днем становилось ему хуже, и он сам, кряхтя и охая, не раз говорил, что смертный час его пришел. С часу на час ждуг сыновья, что вот позовет их батька, благословит и скажет, где у него спрятаны деньги, которых, по их расчету, в тридцать лет накопилось у него много... Того же ждала и старуха. Но старик молчал, только жаловался на боль в груди, да на то, что сила совсем пропала: ни рукой, ни ногой пошевелить не может... Прошел еще день, и старику стало совсем плохо: сам он уж подняться не мог. Благословил он детей, простился и с старухой своей, а про деньги ни слова... Наконец, старуха решилась сама спросить, где у него деньги... «Немà у меня грòшей, какие у меня гроши?» — сердито закричал старик и замолчал... К вечеру стало ему еще хуже, и старуха опять решилась повторить вопрос. Ответ был тот же. И как ни уговаривала его жена, он всё стоял на своем. Многие родные и соседи, которых он уважал, тоже пробовали уговаривать его, доказывая, как невероятно, чтоб у него не было денег, говорили, что не в могилу же он их унесет с собой, пугали гневом и наказанием божьим, — старик сердито просил отстать от него и упрямо повторял: «немà у меня грòшей»... Между тем он видимо гас; он уже не мог сам пошевелиться, сыновья переваливали его с боку на бок... Оставалась одна надежда на священника. И священник, исповедуя его, представил ему тяжкий грех, который он возьмет на душу свою, утаив от родных детей сокровище свое, оставив их в нищете, тогда как может наделить их достатком. Долго запирался старик; наконец, тронутый увещаниями священника, он признался, что у него точно есть деньги, и обещал сказать жене, где спрятано его сокровище. Священник ушел, обрадовав семейство этим известием. Но проходит час, другой и третий, — старик молчит; напрасно старуха сидит подле него и смотрит умильно и ободрительно в его впалые, угрюмые глаза, — старик молчит. Наконец, она опять решается заговорить первая:

— Касатик ты мой! — говорит она. — Скажи, чем прогневали мы тебя, грешные, что ты хочешь лишить наследства родных детей своих, а меня, жену свою, на старости лет пустить по-миру? Никогда-то мы не выходили из твоего повиновения. Сыновья твои во всем тебя слушались, как следует по закону, да и я никогда тебе не поперечила... Вдруг ты скупенек стал, начал денежки приберегать, мало на прожиток давал... Разве мы жаловались, шли против воли твоей?.. Никогда! на то ты всему дому глава: курицу яйца не учат! Ну, а теперь, коли ты сам говоришь, что последний час твой пришел, так не лишай же свою вдову горемычную милости своей, не обидь сыновей своих кровных...

— Немà у меня грòшей, — угрюмо и нерешительно отвечал старик.

— Побойся бога! — восклицает испуганная старуха. — Да ведь же ты сам сказал отцу Прохору, что есть у тебя деньги... Ты только скажи, касатик мой, — продолжала она со всею нежностью, какая только могла выразиться в ее дряблом, разбитом голосе, — ты только скажи мне, сожительнице твоей верной и послушной, где схоронил их, чтобы не попали они в чужие недобрые руки, не пропали даром... Или ты не веришь мне, старухе, или боишься, что сыновья размотают твое добро?.. Я, старуха, как жила, так и буду жить, — где уж мне на старости роскошничать? Сыновья твои парни честные, трезвые, да уж и в летах: ведь уж старшему-то пятидесятый годок пошел... Не размотаем мы, не прображничаем добро твое, а будем мы жить смирно да помнить тебя добром, да свечи за тебя ставить.

М 93. НА МАЛОМЪ ТЕАТРѢ.

Въ Понедѣльникъ, 24 Маѣ,

ИМПЕРАТОРСКИМИ Россійскими Актерами
представлено будетъ,

ВЪ АБОНЕМЕНТЪ:

ЧИНОВНИКЪ ПО ОСОБИМЪ ПОРУЧЕНИЯМЪ,

Новелла въ 1 дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Иванъ Куничъ, Полупалка, Комиссаръ-судъ Чинювичъ,	Г. Васильевъ.
Барбара Тимофеевна, жена его,	Г. Гала Сибирова 1-я.
Надежда Ивановна Д.,	Г. Гала Сибирова.
Нарекъ Ивановичъ Власовъ,	Г. Топиль.
Задаринъ, другъ его,	Г. В. Степановъ.
Арсеній, маіоръ,	Г. С. Салгиревъ.
Трухлявъ,	Г. Матвѣевъ 2-й.
Власовичъ, } пассажиры въ дѣланіи,	Г. Шурковъ.
Охотникъ, } Куницы,	Г. Руданова.
Куницы, } Куницы,	Г. Соколовъ.
Шавель, транзитирникъ,	Г. Зеленинъ.
Алексей, слуга Полукаванъ,	Г. Шубертъ.
Командиръ,	Г. Ермоловъ 1-й.
Нелюбый,	Г. Пороховиковъ.

ДѢВЦА ОТШЕЛЬНИЦА

Комедіо-вазель въ 1 дѣйствіи, переводъ съ Французскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Феликс Монтерваль,	Г. Ж. Абаевъ-Степановъ.
Габриэль, съ испанскаго,	Г. Гала Сибирова 2-я.
Генералъ Буржуазръ,	Г. Живковинъ.
Генералъ, его племянникъ, морской Офицеръ, Г. Колосовъ.	
Баско, слуга Г-жи Монтерваль,	Г. Кочетковскій.

ВОТЪ ЧТО ЗНАЧИТЪ

ВЛЮБИТЬСЯ ВЪ АКТРИСУ!

Комедіо-вазель въ 1 дѣйствіи, переводъ съ Французскаго

Н. А. Перовскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Г-жа Динькина, знаменитая Французская актриса,	Г-жа Орловъ.
Дарьяль, адвокатъ,	Г. Паташниковъ.
Андрій, помѣ Дарьяля,	Г. Лесковъ.
Дука, прѣстѣница Г-жи Динькиной,	Г-жа Авдеева.

ОНЪ ОСТЕПЕННІЯСЯ,

ВЕСЬ ДОМЪ ВВЕРХЪ ДНОМЪ,

Комедіо-вазель въ 1 дѣйствіи, вѣстакъ съ Французскаго

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Иванъ Николаевичъ Ищидъ,	Г. Семеновъ.
Марья Петровна, его жена,	Г-жа Сибирова 1-я.
Востаръ, сынъ ихъ,	Г-жа Павлова.
Семьей Соловьевъ Илья, оставленный Гу-сарскій Палкомникъ,	С. Лесковъ.
Варочка Александровна, Институтка, сирота, подъ опекою у Ищидъ,	Г-жа Петрова.
Иванъ, слуга Ищидъ,	Г. Живковинъ.

ПОРЯДОКЪ СПЕКТАКЛЯ:

1. Чинювичъ по особымъ порученіямъ.
2. Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису.
3. Дѣвица отшельница.
4. Онъ остепеннѣлся.

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАСОВЪ,

НА МАЛОМЪ ТЕАТРѢ.

Во Вторникъ, 25 Маѣ,

ИМПЕРАТОРСКИМИ Россійскими Актерами
представлено будетъ,

ВЪ АБОНЕМЕНТЪ:

МОНОСОБЪ, ЖИЗНЬ И ПОЭЗІЯ,

(2-я представленіе)

Архавинская повесть въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Н. А. Павлова.

Дѣйствіе первое:

РЫБАКЪ,

Дѣйствіе второе:

ПОЭТЪ.

Дѣйствіе третье:

ДѢНИ ЖИЗНИ,

Дѣйствіе четвертое:

ПОЭТЪ И ЛЮДИ.

Дѣйствіе пятое:

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

AU PETIT THÉÂTRE.

Pour les abonnés

Mercredi 26 Maï,

La Seconde représentation de

UNE JEUNESSE ORAGEUSE,

Vaudeville en deux actes

LES SALTIMBANQUES

Comédie-parade en trois actes, moitié de couplets.

Билеты на все спектакли ежедневно можно получать съ 10 часовъ

утра въ Россіи Маломъ Театрѣ.

АФИША ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОМЕДИИ-ВОДЕВИЛЯ НЕКРАСОВА (Н. А. ПЕРЕПЕЛЬСКОГО) «ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ВЛЮБИТЬСЯ В АКТРИСУ» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО МАЛОГО ТЕАТРА 24 МАЯ 1843 г.

В этой комедии, являющейся переделкой с французского, играл (в 1854 г.) М. С. Щепкин Музей Малого театра, Москва

— Ну, скажу, скажу, — глухим голосом проговорил старик, который, казалось, был тронут. — Получите свои деньги! — прибавил он с сердцем.

— Ну, где же они у тебя, касатик? — спрашивает старуха.

Старик молчит.

Проходит опять несколько часов глубокого и мучительного молчания. Только тяжелые громкие вздохи и болезненные вскрикивания старика по временам нарушают его.

Испуганная выражением лица своего мужа, которое постепенно приняло совершенно земляной цвет, какой бывает у покойников, старуха решает возобновить свою речь.

Но старик молчит, погруженный в свои думы.

Иногда, будто выведенный из терпения ее унылым упрашиванием, он пробормочет злым, раздражительным голосом: «скажу, скажу», но ничего больше не скажет, а разве застонет, заохает, попросит пить и потом плотно стиснет зубы, перекрестит рот худыми, длинными пальцами...

По временам сыновья входили и выходили, смотрели на больного отца, перешептывались, вызывали старуху, расспрашивали ее, но мать не могла сообщить ничего утешительного сыновьям своим.

Так ночь прошла.

— На утро всё семейство обступило старика. Никто не говорил, но все смотрели на него умоляющим и вопрошающим взором.

— Запречь сивку! — вдруг среди глубокого молчания звонко раздался повелительный голос старика.

Старший сын вышел и через полчаса пришел сказать, что лошадь готова, и спрашивал, куда и кому велит он ехать.

— Сам поеду! — отрывисто и строго отвечал старик.

Все невольно вздрогнули, когда он, поднявшись на своей кровати и поставив на пол босые ноги, вдруг выпрямился во всю длину своего огромного роста, который, при страшной худобе его тела, казался теперь еще значительнее...

— Чоботы и кожух! — закричал он.

Ему помогли одеться, и он без чужой помощи вышел на двор и сел в телегу... Старший сын хотел сесть рядом с ним, но он вырвал у него вожжи, толкнул его вон из телеги и поехал по направлению к хутору.

— Никого не надо! — сказал он повелительно, сделав знак рукой, чтоб за ним не следовали...

Прошло несколько часов в тяжелом ожидании; старик не возвращался. Наконец, опасаясь за него, сыновья с дядей Кузьмой решились поехать на хутор. Подъезжая к хутору, они увидели его лошадь, привязанную у пасеки; но самого старика видно не было. Они вошли в пасеку — и все разом вскрикнули, объятые удивлением и ужасом: старик висел на перекладине, медленно качаясь; ноги его, по временам, задевали за корень дерева, который он, вероятно, подставил, чтоб удобнее повеситься!

Старик повесился, повесился, может быть, за один час до естественной смерти! Неизвестно, полюбовался ли он в последний раз своим сокровищем, простился ли с ним, — или как приехал, так поскорей и надел веревку на свою шею, мучимый страхом, чтоб не выманили у него признания, где хранится оно. Спустя пятнадцать лет нашлось сокровище старика. Сыновья его понемногу перевели пчел и пасеку уничтожили. Когда стали они пахать ту землю, где прежде была пасека, вдруг наткнулись на что-то жесткое — глядь: камень в земле; им стало подозрительно; приняли камень: яма; вот они копать, копать, да и докопались до чугуничка, а в чугуничке-то все золото да серебро... с лишком двадцать тысяч накопил старик. Только не впрок пошло добро, скопленное стариком: сыновья при дележе так передрались, что один тут же богу душу отдал, а другой недолго его пережил.